

9 **Кружок** 68

Оружие, которое я видел, спрятано глубоко под землей. Оно покоится на опорах внутри бетонного колодца, как свеча в стакане. На поверхности—лес, чудесные поляны. Летом здесь много грибов и ягод. Но никто не снимает урожай.

Меняются дежурные смены, офицеры выходят на воздух, щурясь от солнца. А внизу, под их ногами, заступила на боевое дежурство новая смена.

Дневной свет падает на ракету только во время учений: содрогаясь от собственной тяжести, отодвигается в сторону крышка с растущими березами...

Мы войдем—хочется сказать вопреки всем правилам стилистики — «в ракету»...

Ю. ВИЗБОР
Фото И. Гричера.

Песню-репортаж о путешествии «в ракету» вы услышите на первой звуковой странице.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ

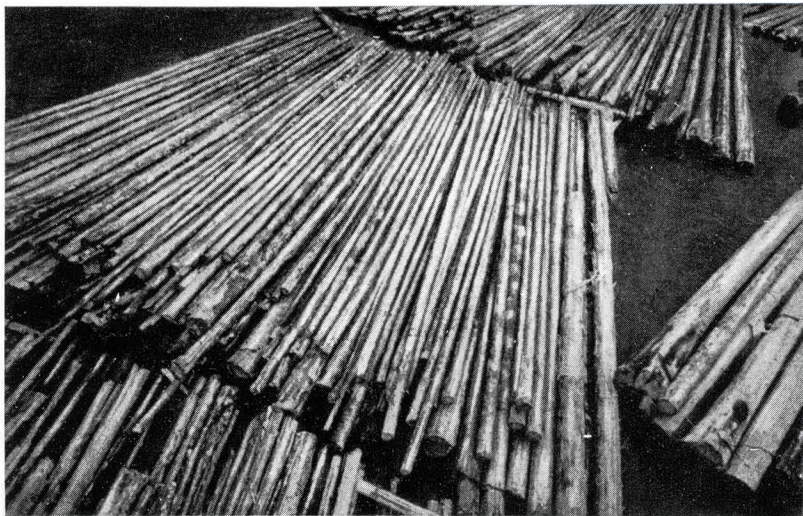
СНАРУЖИ И ИЗНУТРИ

В Вижице, тихом, старинном городке на Буковине, заканчивается путь карпатского леса по реке. Плоты сажают на мель, и мощные трактора с середины реки цугом тянут плоты на берег. Плот цепляется за камни, гремит на валунах скользкими бревнами. И если случается, что в эти минуты мимо проходят плотогонцы, они невольно отводят взгляд. Так лучше: грустное зрелище — смотреть вслед обреченному. Когда плот нес их на своей спине, когда мотал, как строптивая необъезженная лошадь, когда вставал на дыбы, опрокидывая на перекатах, и был неукротим, несговорчив, они любили его. Ради него они рисковали жизнью, это сближало их. Теперь — последние метры, а на проводы плотогонцы не ходят...

В Вижице мы провели полдня и засобирались в дорогу. До места сплава оставалось километров сто. Но нас просили не спешить, осмотреться. «Кто знает, может, и нет большой нужды идти на плоты, — доверительно убеждал директор лесотреста Леонид Ильич Косарев. — На плоту оно всякое бывает. Стихия — как повернет». Мы соглашались, нам и самим было не по себе от таких разговоров, но в конце концов директор сдал-

В ОДНОЙ УПРЯЖКЕ

Фото
Л. Лазарева.

ся, сказал, чтобы нас повезли вверх вдоль реки. «Посмотрите сплавную трассу, авось, передума-ете».

Подъем занял целый день. Черemoш нам не приглянулся. Мелкая, порожистая река, местами узкая, но зато споро, хотя ни злобы в ней, ни скрытой опасности, ни особого нрава мы не углядели. Так себе, как всякая горная речка. Воды мало, а шуму много.

Иногда в автобус садились плотогоны. Здоровые, краснолицые люди. Плотогоны нам нравились. Они совсем по-иному рассказывали о плотях, о реке, о ее нравах. От них мы узнали, что река, вдоль которой мы ехали, «не настоящая». Вот уже пять суток в верховьях накапливают воду, чтобы в назначенный час через проемы шлюзов рухнула она вниз, увлекаемая за собой плоты. Тогда на всем стокилометровом пути река заработает и будет во много раз сильнее теперешней.

Плотогоны вспоминали разные истории. И пороги, о которых они так много говорили, вдруг представлялись нам поверженными

силой более великой и мужественной. И вспоминали тех, кто когда-то погиб при каких-то чрезвычайных обстоятельствах, в конфликте с этой рекой, разрешение которого река решила в свою пользу.

В местечко Мариен мы приехали поздним вечером. Машина остановилась на берегу огромного озера, заполнившего всю долину между двумя грядами невысоких вершин. Вода лежала без движения, пустынно. По-мирски покойно было вокруг.

В большом деревянном доме на берегу озера нас провели в комнату, где обычно останавливаются плотогоны. Каждому положили по два одеяла. «Ночью бывает холодно. Высоко. И лес кругом. Днем град выпал, крупный, с горошину. Пять часов прошло, а он еще не растаял... Располагайтесь. Сейчас придет мастер и расскажет, что и как...» Но мастер сплава пришел нескоро: оказалось, что плоты, не дойдя до озера, сели на мель, потому он долго созванивался с верхней плотиной, уточнял, когда будет новая вода, посылал

гонцов к плотогонам, чтобы ждали до рассвета, не покидали плоты.

Внесли керосиновую лампу. Тусклый свет проник в углы комнаты, осветил черный кафель печки-голландки, на потолке заиграл желтым зайчиком, все почувствовали тепло, заговорили громко, вразнобой, словно истосковались за целый день по жилью, по уюту... Близость плотов, неожиданно затихшая река, непроглядная темень ночи — все настораживало... Стали готовить снаряжение к завтрашнему переходу: магнитофоны, провода. Потом по очереди примеряли сапоги с высокими голенищами, выбирая по ноге стельку. Теперь уже каждый решил, что переход состоится. Хотя вслух этого никто не произносил, но решение было принято, и стремительная крутизна реки стала столь же реальной, как наступившая ночь.

Ранним утром на реке захлопали весла, длинноствольные, с широкими лопастями, загребая мягко, размеренно. По воде понеслись голоса плотогонов. Низко над рекой, над застывшими плотами повисла густая пелена тумана. Голоса гасли на воде, не поднимаясь в горы.

Шлюзы чуточку приоткрыли — плотина сдавала лишнюю воду, чтобы поднять сплавной горизонт. Плоты выстраивались в очередь, ожидая, когда рекующий водопад шлюза будет медленно втягивать их в свою разверстую пасть. По бревнам мы прошли на противоположный берег. Там, прижатый к скале, стоял плот, на котором мы должны были отправиться вниз. Плотогоны Илья Алексеевич Мотус, Николай Юрьевич Дмитрияк (см. фото на первой странице) и Петр Пантелеевич Мотус закончили приготoвление и, разложив на бревнах еду, завтракали. Потом курили, сложив ногу на ногу, курили спокойно, с долгими затажками.

...Прохладно. Подул ветер, туман разнесло, только на макушках деревьев он еще кое-где зацепился и повис пестрой разорванной тканью. Плоты потянулись к туннелю. Кроме плотогонов, которые вели караван, в этом рейсе были пассажиры: фотокорреспондент, радиооператор и журналист. Хозяева укрепили весла, привязали рюкзаки, чтобы не смыло водой, и стали ждать: наша очередь шестая. До туннеля — три метра.

А. ЛАРИОНОВ
Вижница, Черновицкая обл.

РАЗЪЕДИНЕННАЯ

АМЕРИКА

6

Бульдозеры сровняли с землей фанерные хибарки, которые еще недавно горбились у подножия памятника Аврааму Линкольну, словно взывая в тени великого демократа. Официальный Вашингтон остался верен себе: именем демократии власти североамериканской столицы разгромили лагерь бедняков и расправились с участниками похода. Сто с небольшим лет назад духовные предки нынешних вершителей судеб Америки пулей оборвали жизнь Авраама Линкольна. Он хотел дать неграм свободу и поплатился за это. С тех пор расовая проблема не только не ослабла, но стала еще острее.

В этом году лето негритянских волнений началось весной. Я только собирался в поездку за океан, когда, как предвестник жаркого лета, над Америкой грянул громом выстрел, сразивший Мартина Лютера Кинга. Все, что было потом, я видел. Над Вашингтоном, большая часть населения которого негры, над негритянскими кварталами Чикаго, Балтимора, Питтсбурга начались багровые отблески пожаров. В столице Соединенных Штатов был введен комендантский час.

Кроме полицейских частей, против демонстрантов были брошены регулярные армейские подразделения, танки и бронетранспортеры. Я видел и бронированные автомобили, оснащенные баллонами со слезоточивым газом, особые помпы и брандспойты, из которых в случае надобности можно залить улицы чем-то вроде мыльной пены. И, конечно же, в ходу были дубинки — проверенное оружие американской демократии.

Мне памятли лица людей, шагавших по улицам Вашингтона к Белому дому, к зданию конгресса. Участников похода бедняков встречали солдаты и наглухо закрытые двери. Расправа была скорой: девушек тащили за волосы к полицейским фургонам и швыряли внутрь черных машин, юношам выворачивали руки. Я видел их глаза: это были глаза людей, не знающих, что такое страх.

Чего добивается униженная и обездоленная Америка? Ее чаяния выразил Мартин Лютер Кинг:

«Негр увидел, что через сто лет после провозглашения свободы и равноправия он живет на одиноком острове эконоимической неустойчивости среди необъятного океана материального благополучия. Негры по-прежнему находятся на самых низких ступенях эконоимической лестницы. Живут, отделенные от остального мира двумя concentрическими кругами сегрегации. Один — очерчен вокруг цвета их кожи, другой — вокруг нищеты. Негр рождается в условиях недостатков и лишений. Борьбу, которую он ведет, чтобы вырваться из этих условий, осложняет дискриминация. «Цветной» лишен нормального образования, нормальных социальных и эконоимических возможностей. Он

протестует, а ему советуют повеситься на шнурках от собственных ботинок, забывая, что у него зачастую нет этих ботинок...»

Так писал Кинг в своей книге «Почему мы не можем ждать?». И нечего мне прибавить к этим словам. Я могу лишь по праву очевидца засвидетельствовать, что бесправные граждане Америки непреклонны в своей решимости добиться равноправия. Источников, которые питают их непреклонность, много: это и рост общественного самосознания среди негритянских жителей, составляющих 12 процентов населения Соединенных Штатов, это и пример африканских государств, в которых после получения независимости негры стали полноправными гражданами, это и знакомство с марксизмом, призывающим бороться с социальной несправедливостью, расизмом и дискриминацией.

Я видел людское море, заполнившее пространство между памятниками Вашингтону и Линкольну в День солидарности. 75 тысяч человек на площади в полтора квадратных километра — это внушительное зрелище. У памятника Линкольну выступали белые, негры, индейцы. И когда руководитель похода бедняков пастор Абернети заявил, что беднота своим пришествием в Вашингтон доказала нежелание мириться с существующим положением, прокатился гул одобрения над площадью.

Бедняки все еще надеялись, что конгресс поймет их безвыходное положение. Но правительство осталось верным себе. Бульдозеры стерли с лица земли поселок бедняков, ютившийся в центре Вашингтона, и столица Соединенных Штатов снова накинула на себя оболочку показной респектабельности.

...Плаваются под лучами солнца она в верхних этажах исполнинского «Чейз Манхэттэн бэнк». Этот рокфеллеровский банк — самый рослый в семье небоскребов на Уолл-стрите. Весь он — воплощение самодовольства и холодного расчета. Или, может быть, только хочет казаться таким?

Я вспоминаю, как оставшиеся на свободе участники похода бедняков в последний раз провели по улицам Вашингтона караван мулов. Мартин Лютер Кинг тоже завершил свой последний путь на повозке, запряженной мулами. Мул очень вынослив, он упрямо идет по дороге и не остановится, пока не достигнет цели. Потому-то негры и избрали его символом своей судьбы.

Жаркое лето Америки. Оно звучало грозными раскатами, отзвук которых я храню в памяти.

Н. КАРЕВ,
специальный корреспондент «Кругозора».

Вашингтон — Москва

ПОД СЕНЬЮ

5

ПРОЛОГ, НАПИСАННЫЙ СЕСТРОЙ Г. СТАВСКОГО

В 1940 году мы провожали в армию брата. Был прощальный вечер, собрались друзья и родные. Пели песни. И осталось в памяти: «Когда ж дорогой товарищ мой вернется, родные ветры следом прилетят...»

Но брат не вернулся... Остались лишь его письма с фронта.

В годы войны письма доставляли в поле, где мы работали. Маму просили читать вслух. А женщины слушали. Это ведь были вести из тех далеких мест, где находились сыновья, мужья и братья.

Прошли годы. Умерли родители. Гриша был очень молод, у него не было даже любимой девушки, и теперь некому передать его письма. И душа болит за их судьбу. Они такие живые, что совесть не позволяет предать их забвению.

ц. СЕРДЮЧЕНКО.
г. Барнаул.

4 ИЮЛЯ 1941 ГОДА. ...На своих ногах я прошел почти всю Белоруссию. Прошу вас не думать о том, что со мной может что-нибудь случиться. А думайте о хорошем исходе войны и о нашей встрече. В моих мыслях всегда на втором месте стоит встреча с вами, а на первом — как лучше разбить врага. Бывайте здоровы, Григорий.

11 ДЕКАБРЯ 1942 ГОДА. Мимо меня проходят люди в зеленых шинелях, ежятся от холода и кричат: «Капют!..»

Отец, нет большего удовольствия, чем месть врагу. Пленному я мщу морально, ибо есть пословица: «Лежачего не бьют». А вооруженному фрицу я мщу оружием.

Я жив, здоров, тепло одет. Я кончил читать книгу «Зверобой», прочитал Пушкина — «Путешествие в Арзрум» и «Историю Пугачевского бунта».

12 АПРЕЛЯ 1943 ГОДА. Я только что принят в члены ВКП(б). Прошедшие дни очень много

работал. Следующего письма скоро не ждите, ибо некоторое время меня не будет в части.

27 АПРЕЛЯ 1943 ГОДА. Я уходил выполнять серьезное задание и вчера вернулся. Выполнил задание и привел пленных. За это я представлен к правительственной награде — ордену Боевого Красного Знамени.

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО ГРИГОРИЯ СТАВСКОГО ...Мы вернемся в свою Полтаву и будем отстраивать то, что разрушила война.

Сегодня к нам забрел пленный. Он казался очень жалким и зашел, чтобы достать пищу. Увидел у одного красноармейца в руках скрипку, и глаза его разгорелись, руки затряслись. Я сразу понял, что его раздражило. Я взял скрипку и дал ему поиграть. Он схватил ее и начал играть Бетховена, вальсы Штрауса, Шопена. Играл он с таким воодушевлением, что временами казалось, что он сходит с ума. Потом его перебили, и он бросил играть. Глаза сразу потускнели, тело сгорбилось.

Дорогие мои, придет день, и радио передаст: «Гитлеровская Германия разгромлена...» Это будет самый замечательный день в нашей жизни. Мы его каждый год будем праздновать. Эта победа нам достается нелегко. Многих товарищей мы недосчитаемся. Возможно, среди плачущих будете и вы. Но наш долг перед потомками и историей мы выполним. Поверьте, с моей стороны будет сделано все для того, чтобы победить. Ваш сын Григорий.

ЭПИЛОГ РАССКАЗАННОЙ ИСТОРИИ

Полвтора назад, 16 сентября 1918 года, была учреждена первая советская награда — орден Красного Знамени. Одним из тех, кого Родина удостоила этого ордена, был солдат, разведчик Ставский. Он умел всем сердцем любить и ненавидеть. Любить Родину и ненавидеть ее врагов.

Эта песня, взяв себе имя пролетарского знамени, сама, точно красное знамя, вот уже девять десятилетий передается одним поколением революционеров другому, и в каждой стране рабочие считают ее своей, потому что она интернациональна. Автор мелодии песни «Красное знамя» — немец Иоганн Фогт. Автор слов... Не просто назвать одно-единственное имя. Первоначальный текст сочинил в 1877 году участник Парижской коммуны Поль Мари Брусс.

Пять лет спустя мелодия о красном знамени коснулась сердца французского пролетарского поэта Ашиля Ле Руа. И родилось «Ле драпо руж» — «Красное знамя». Польским рабочим песню «Червоны штандар» подарил поэт-революционер Болеслав Червенский. На его надгробьи высечены слова: «Он продолжает жить в своей песне». Есть и болгарский автор — Георгий Баналов. Есть и немецкий — Роза Люксембург.

В 1900 году песня «Красное зна-

мя» обрела еще одну родину — Россию. Переведенная социал-демократом В. Акимовым, она стала наряду с «Интернационалом» боевым гимном российского пролетариата.

Вот так — из страны в страну, из сердца в сердце.

Слушайте пяту звуковую страницу журнала.

На фото А. Лидова: поют московские студенты.

Это случилось в августе 1902 года, когда профессор А. Кулябко в Томском университете впервые в истории медицины оживил сердце ребенка через двадцать часов после его смерти.

В 1905 году французский ученый А. Каррель, впоследствии нобелевский лауреат, пересадил сердце собаки, соединив его с сосудами шеи собаки-реципиента.

Медицина долго и трудно шла к пересадке сердца человека, пережив позор гробокопательства, тайного разъятия трупов, пережив и поднявшись над этим. И, может быть, еще один, почти безумный шаг сделал Луи Пастер, когда, еще не успев испытать эффективность своей первой вакцины на животных, вынужден был поставить эксперимент на человеке. Умирающему девятилетнему Иозефу Мейстеру, укушенному бешеной собакой, была введена вакцина, и мальчик выжил.

Наука шла к самому невероятному эксперименту на человеке — к пересадке сердца.

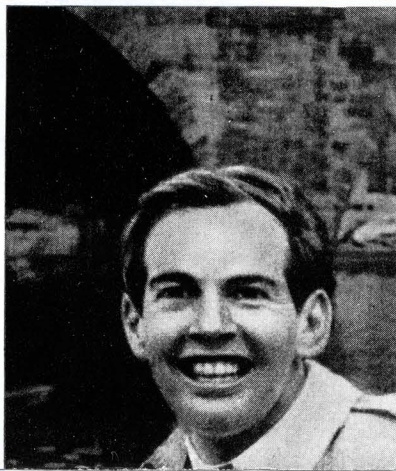
тельствует хроника английской печати, — полицейский эскорт открыл машине «Скорой помощи» зеленую улицу через весь Лондон. В машине находился смертельно раненный человек. Его сердце еще билось, хотя два раза и останавливалось в пути. Оно еще раз остановилось в больничном лифте. Ровно в половине четвертого тело донора положили на стол. Пациент ждал на операционном столе в другом зале».

...В кейптаунском госпитале человек, приподняв голову с подушки, увидел свое сердце в пластмассовой коробочке. И выписался из больницы домой. Фоторепортер явился к нему в марлевой маске, и фотография полного улыбающегося человека, который напояз ложится спать, обошла весь мир. Филипп Блайберг — так зовут этого пожилого человека — позднее записал: «Когда я проснулся сегодня утром, мне показалось, что я вернулся снова в доброе старое время. Медсестра сказала, что я провел несколько дней в кислородной палатке, а я чувствовал су-

ПОДАРЕННОЕ ВРЕМЯ

Для этого нужно было, чтобы мир, пережив колоссальные потери двух войн, заботливо склонился над каждым человеком. И чтобы гуманность преодолела страх перед хрупким пульсирующим комочком, «вместилищем души», перед всего-навсего живым насосом, как называл его Филипп Блайберг — человек с чужим сердцем.

Началось это в Кейптауне в декабре 1967 года, а потом было в Лондоне, Париже, Нью-Йорке. Получив вызов по специальным радиотелефонам, мчались в больницы врачи. Все происходило предельно четко. «За несколько минут до трех часов дня, — свиде-

масшедшую радость при мысли о том, что нахожусь все еще по эту сторону реки Стикс... Когда я покидал больницу, меня приветствовали, неведомо почему, как героя...»

Первая операция была сделана кейптаунским хирургом Кристианом Бернардом. Но за спиной у него был опыт мировой медицины, опыт советского ученого Владимира Демикова.

В. П. Демиков (вверху).
Фото В. Репникова.
Кристиан Берnard (слева).

Еще в 1946 году Владимир Демихов сделал первую автономную пересадку сердца собаке. Через четыре года он получил патент на изобретенный им способ сохранения человеческих органов для пересадок. Эксперименты советского хирурга стали известны всему миру.

В 1960 году хирург Кристиан Бернард приехал туристом в СССР. Отказавшись от предложенной программы, он восемь дней провел в лаборатории Демихова за операционным столом. — И когда телеграф принес из Кейптауна весть о первой пересадке сердца человеку, именно у Владимира Демихова, в московской клинике, собрались журналисты.

— Тут мы оперировали, — поясняет Демихов. В отдалении над высоким столом склонились хирурги. Когда они выпрямятся, на столе видна собака, часто дышащая под наркозом. — Когда Бернард перед приездом в Москву прислал мне письмо с просьбой разрешить попрактиковаться в нашей операционной на пересадках сердца, он сообщал, что делает в неделю шесть сложнейших операций на сердце. Это очень много. Это изнуряющий труд. Это много и в другом смысле — за каждую такую операцию хирурги платят тысячи долларов. Но Бернард оставил стол прибыльную прантину, бросил все и вернулся к собакам.

Доктор Бернард начал все снова. Семь лет он готовился к операции. А тем временем американский хирург Харди впервые пересадил сердце обезьяны умиравшему от сердечной слабости человеку; больной прожил всего час... Бернард продолжал тренироваться на собаках, а тем временем людям пересаживали почки, хирурги учились пришивать отрезанные конечности...

И, наконец, момент настал... Филипп Блайберг написал мемуары под названием «Подаренное время».

Ведь к этому на протяжении всей своей истории идет человечество — дарить время жить.

На второй звуковой странице журнала снова, через восемь лет, встречаются доктор биологических наук Владимир Демихов и профессор Кристиан Бернард. Заочный диалог о сердце. Третий собеседник — Филипп Блайберг.

Песни Самоа

Ночь на мгновение вздрогнула от барабанной дробы. И опять все стихло. Только шуршат волны да шелестят стрельчатые листья пальм. Проходит минута, другая. И вот чуть слышно забрехала гитара. В темном, расцветенном звездами небе плывет песня. Полушепот мужского голоса и гитара...

Западное Самоа — это на далеких островах, оброненных в западной части Тихого океана. Чтобы добраться от Москвы до первого независимого государства Полинезии, мне пришлось провести в воздухе сорок часов. Жизнь на архипелаге подчинена своим законам, все там «не так, как у нас», но, как и везде, здесь люди умеют любить, слагать песни.

На Западном Самоа весь год — лето. Может быть, поэтому у самоанцев отсутствуют привычные для фольклора почти всех стран песни и танцы, посвященные сбору урожая, приходу весны, лета. Бананы, кокосовые орехи, зерна какао собирают круглый год. И можно без преувеличения сказать, что музыка, песня так же постоянно сопровождают самоанцев. Люди сходятся обычно после захода солнца на поляне в центре селения, рассаживаются, подобрав под себя ноги, слушают музыкантов. Иногда подпевают. А если учесть, что в самоанской семье человек 50—60, то получается целый хорошей коллектив.

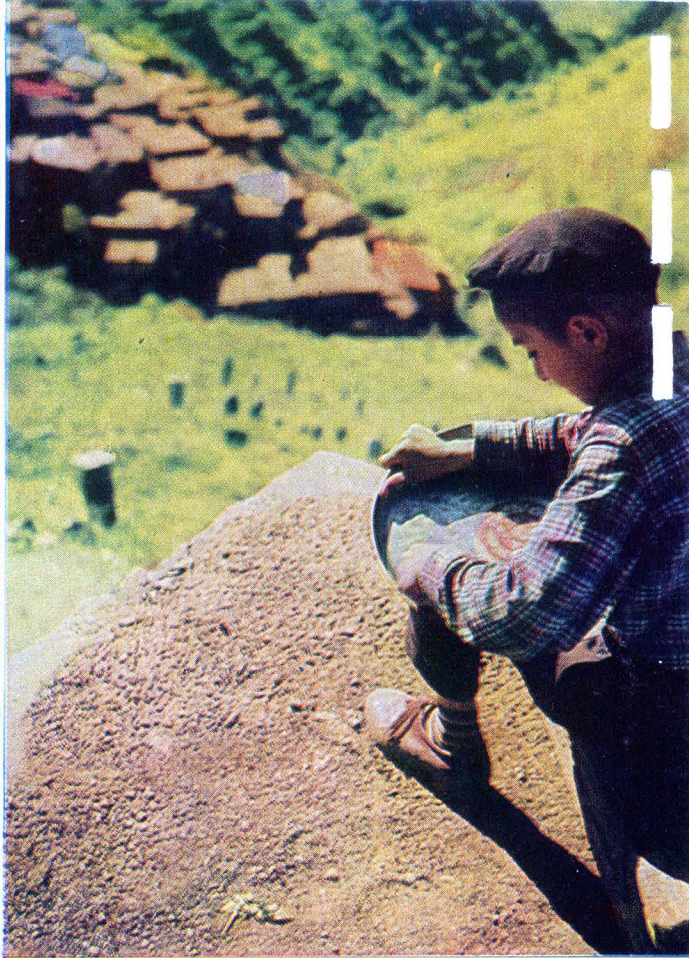
И о чем чаще всего здесь поют? Главное содержание самоанских песен — лирика, повествование о любви возвышенной и чистой. В прибрежных деревушках поют под аккомпанемент барабана и обычной гитары, а то и без аккомпанемента. В единственном городе островов — столице Апия — есть несколько профессиональных ансамблей. Их вы и услышите на девятой звуковой странице. И тогда, быть может, вам почудится плеск океана, шорох пальмовых листьев и привидятся звезды, яркие и лучистые.

В. КАССИС

ТРОПОК КАСАЯСЬ ТВОИХ, КАК СТРЕМЯН

о любви

Опять пленен...

Был мальчиком когда-то,
Пришла любовь, и, розу оброня,
Открыла тайну своего адата,
И сразу взрослым сделала меня.
По гребням лет не в образе богини,
А женщиной из плоти и огня
Она ко мне является поныне
И превращает в мальчика меня.
Застенчивость, бесстыдство в ней
и трепет,
Вновь загораюсь я, и оттого

Воображенье преклоненно лепит
Из женщины подлунной божество.
Как глупость командира, и не раз,
Любовь была опасностью

чревата,
Зато являла мужество солдата,
Что безрассудный выполнил приказ.

Она всегда похожа на сраженье,
В котором мы, казалось бы,
судьбой

Уже обречены на поражение,
И вдруг — о чудо! — выиграла бой!
Она всегда похожа на сраженье,
В которое уверовали,
но

Нежданно прибывает донесенье,
Что начисто проиграно оно.
И хоть любовь не сторонилась боли,

Она порою,
ран не бередя,
Была сладка, как сон под бурной
в поле

Во время колыбельного дождя.
Я возраста достиг границы
средней,

И, ни на что не закрывая глаз,
Пишу стихи, как будто в миг
последний,
И так влюбляюсь, словно в первый
раз.

* * *

— Скажи, каким огнем был рад
Гореть ты в молодости, брат?
— Любовью к женщине!
— Каким, не избежав потерь,
Горишь огнем ты и теперь?
— Любовью к женщине!

— Каким, ответь, желаешь впредь
Огнем пожизненно гореть?
— Любовью к женщине!

— Чем дорожишь ты во сто крат
Превыше славы и наград?
— Любовью женщины!

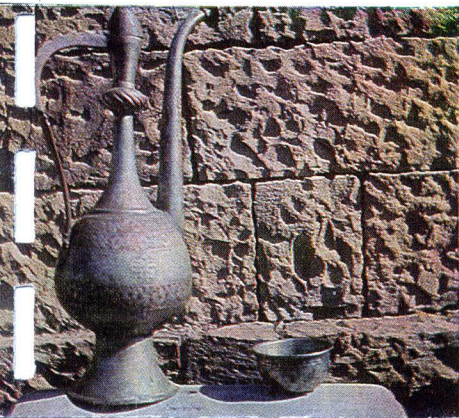
— Кем был низвергнут, как поток,
И вознесен ты, как клинок?
— Любовью женщины!

— С кем вновь,
как рок не прекословь,
Разделишь не на срок любовь?
— С любовью женщины!

— А с чем, безумный человек,
Тогда окончится твой век?
— С любовью женщины!

если в мире тысяча мужчин

Если в мире тысяча мужчин
Снарядить к тебе готова сватов,
Знай, что в этой тысяче мужчин
Нахожусь и я — Расул Гамзатов.
Если пленены тобой давно
Сто мужчин, чья кровь несется
с гулом,
Разглядеть меж них не мудрено
Горца, нареченного Расулом.

Если десять влюблено в тебя
Истинных мужей, огня не спрятав,
Среди них, ликуя и спорбя,
Нахожусь и я — Расул Гамзатов.
Если без ума всего один
От тебя, — не склонная к посулам
Знай, что это с облачных вершин
Горец, именуемый Расулом.
Если не влюблен в тебя никто
И грустней ты сумрачных закатов,
Значит, на базальтовом плато
Погребен в горах Расул Гамзатов.

дагестану

Имя смакую твоё по слогам:
Выдохнул «Даг», следом выдохнул «стан».
Льну, Дагестан мой, к альпийским
лугам,
Тропок касаясь твоих, как
стремлян.

Сходится клином на родине свет,
Право, не знаю — твой верный
наиб:

Индия больше тебя или нет,
Неотразимей Париж иль Гуниб?

Даришь свою мне и старь ты и
новь,
Реки, как барсов, вскормив на
плечах;
Верстами люди не меряют любовь,
Все рождены мы с пристрастьем в
очах.

Был тот чеканщик велик, как
пророк,
Что имя твоё средь ясного дня
На колыбели, и сабле насея,
И на мятежной душе у меня.

Вновь о твоей размышляя судьбе,
Край вознесенный к седым
небесам,

Я забываю легко о себе,
Выше от этого делаюсь сам.

Снег на вершинах и море внизу,
Туры трубят по отвесным лесам,
Если себя пред тобой вознесу,
Меньше от этого сделаюсь сам.

Гулом ущелий меня позови,
Посвистом, что предназначен коню.
Вольный наиб несвободной

любви —
Я пред тобою колени клоню.
Переводы с аварского
Якова Козловского.
Фото В. Арманда.

КАЛЕЙДОСКОП

ЗУЗКИ ЛОНСКОЙ

Разноцветные огни набегают друг на друга и, быстро сменяясь, переливаются по сцене. Кажется, что это и не сцена вовсе, а пестрый детский калейдоскоп. Голос певицы гармонирует с радужным мерцанием. Умение передать все оттенки мелодии и в то же время донести до слушателей глубину поэтического текста песни, умение создать сверкающий сплав музыки и слов — вот секрет обаяния браτισлавской певицы Зузки Лонской.

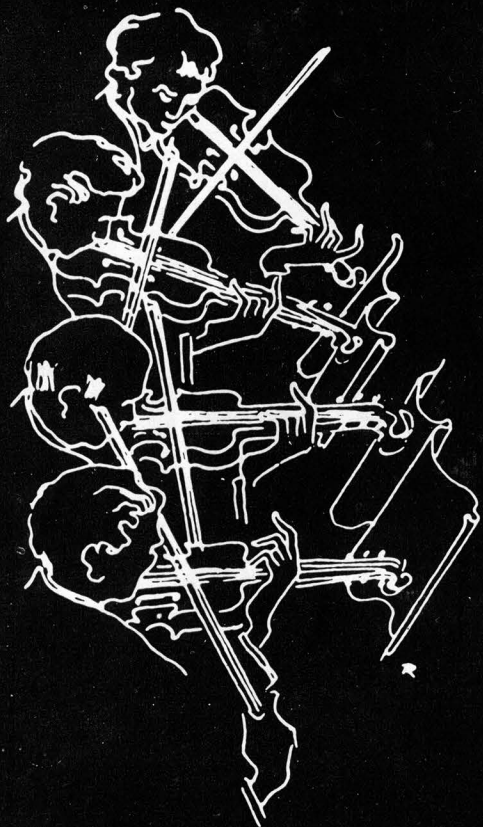
Репертуар Лонской разнообразен, и, хотя основу его составляют народные песни Словакии, ни одно выступление не обходится без того, чтобы певица не представила своим слушателям песню другого народа. И, конечно же, очень часто в ее исполнении звучат наши «Калинка», «Вдоль по улице метелица метет», «Подмосковные вечера».

Браτισлавскую певицу знают во многих странах. Выступала она и в Советском Союзе, в программе Международного фестиваля эстрадной песни. Сегодня она поет для вас (восьмая звуковая страница).

А. ГЕРИНАС

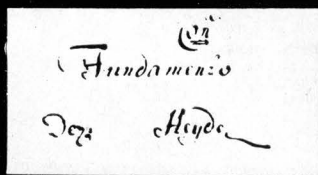
Браτισлава.

ОШИБКА КОПИСТА

1

В Гнезне, древней столице Польши, была обнаружена рукопись симфонии. На титульном листе выведено: Йозеф Гайдн. Копия симфонии Гайдна, одна из многих, сохранившихся в Польше, была причислена к местным реликвиям. И вдруг копия чуть не превратилась в оригинал: в каталоге Хобокена, перечислявшем все симфонии великого композитора, это произведение не упоминалось. Новая симфония Гайдна! Газетные сенсации кончались знаком вопроса.

Приводимый ниже диалог журналиста Польского радио Анджея Кормана и сотрудницы Института музыковедения Варшавского университета Дануты Идашак, обнаружившей рукопись, проясняет историю таинственного титульного листа.

Журналист. Итак, музыка Йозефа Гайдна...

Музыковед. Я бы не начинала так определенно... Видите ли, найденная симфония отличается от аналогичных сочинений Гайдна. Вторая тема в сонатном аллегро недостаточно контрастирует с первой. Партии духовых инструментов зачастую дублируют партии смычковых.

Журналист. Значит, снова поиски!

Музыковед. Да. И, к счастью или разочарованию, успешные. В Регенсбурге оказался оригинал интересовавшей нас симфонии. Ее автор — немецкий композитор Христиан Граф. Идентичность манускриптов не вызывает сомнения, хотя окончательно авторство может подтвердить лишь сравнение новой рукописи с симфоническим наследием Графа.

Журналист. И все-таки эта надпись на титульном листе...

Музыковед. В ней повинен копиист, кропотливо переписывавший ноты. В Польше XVIII века произведения Гайдна были популярны (доказательство: копии симфоний, найденные в архивах в Свентей Липке, Могиле, Гнезне), — а Граф был совершенно неизвестен. Вероятно, копиист, опасаясь трудностей со сбытом рукописи, украсил титульный лист именем Йозефа Гайдна... и доставил немало хлопот сегодняшним исследователям.

Журналист. Но поскольку уж мы оказались обладателями неизвестной рукописи, может быть, стоит познакомить с симфонией слушателей «Кругозора»!

Музыковед. Безусловно, тем более, что сама по себе она интересный образец симфонической музыки XVIII века.

МЫ — РАБОТНИКИ ВСЕМИРНОЙ...

Мы живем на суше, работаем на ней. И, увлеченные своими земными делами, не очень часто вспоминаем, что вот в эту самую минуту где-то в бескрайней пустыне океана идет судно, имеющее прямое отношение к нам.

Оно везет для нас стальные трубы, граммпластинки, ром или — можно с той же достоверностью предположить — увозит наш труд, претворенный в трактора, алмазные резы, хрустальную посуду. Где-то эти части целого сойдутся, наши судьбы переплетутся с судьбами людей, о существовании которых мы даже не подозреваем, — так рождается причудливая взаимозависимость трех миллиардов жителей планеты Земля. Ее реальность осязаешь, как биение пульса на запястье, когда попадаешь в Одесский морской торговый порт.

Лучше любой книги, нагляднее любой передачи телевидения порт расскажет, что происходит в мире. Вот грузятся на судно из Африки трактора и автомашины — экваториальный континент спешит догнать остальные части света. Пакистанское судно пришло на десять дней позже, чем обычно: все еще закрыт Суэцкий канал. У входа в гавань ждут своей очереди суда с сахаром-сырцом — это долетело эхо отгремевшей на Кубе сафры.

Двадцатый век демонстрирует в порту свое техническое всемогущество. В блеске полуденного солнца под крик чаек, привыкших к реву моторов и визгу тросов, стотонными игрушками взвиваются в небо тепловозы, гидротурбины. Стрелы гигантских порталных кранов, при движении наглядываясь друг на друга, образуют причудливые иероглифы на фоне «самого синего» Черного моря. Если охватить взглядом бастионы грузов, под неимоверной тяжестью которых продавливаются асфальтовые покрытия причалов, то кажется: что может сделать человек со своими в общем-то слабыми руками? Но двадцатый век демонстрирует в порту всеисиле и незаменимость человека под именем докер.

Бригада докеров Василия Дьяка на причалах порта.

Одесский докер (равно как и марсельский, лондонский, александрийский) — человек универсальный. Он дирижирует симфонией техники, подставляет свое плечо там, куда техника еще не может ни пролезть, ни проползти, простым движением руки решает многолинейные уравнения мягкой посадки грузов, оплаченных чистым золотом. Слово перебрасывая мостки от наших дней к началу цивилизации, докер наряду с техническим умением показывает образец глазомера, сноровки, интуитивного расчета, с помощью которых были когда-то возведены пирамиды, по сложности инженерного решения не уступающие современным небоскрегам. Очевидную истину, что любая техника мертва без людей, лучше всего постигаешь опять же здесь. Океанские посудины с двигателями в десятки тысяч лошадиных сил становятся беспомощными после того, как их разгружат: лопасти винтов повисают в воздухе. Суда смогут выйти в море только тогда, когда их снова загрузят. А посему чужестранные капитаны должны быть вежливы с докерами. И не только капитаны, но и правительства их больших и малых стран. У докера, кроме права на хорошую оплату своего нелегкого труда, есть право не грузить то, что принесет вред братьям по классу.

Покрытый золотистой пылью сахара-сырца, с русскими, латинскими, арабскими буквами, прилипшими к мокрому плечу, он, работник всемирной армии труда, первым встретит долго блуждавшее в пустыне океана судно. Оно может причалить глубокой ночью, в дождь, в штормовую погоду. И, пока спите вы, не спит докер, побеждая желание прикорннуть где-нибудь в теплом трюме, напрягает человек мускулы и ум, чтобы вы, проснувшись утром, выпили чашку бразильского кофе и угостили своего мальша соком марокканского апельсина. Человек двадцатого века, желающий жить долго и счастливо, есть вкусно, одеваться красиво, говори иногда себе, чуть переделав известное древнее выражение: «Помни о докере»...

И. ЗЮЗЮКИН
Одесса Фото А. Лидова.

слушайте

в

номере

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

1. Баллада о ракете. Песня-репортаж Ю. Визбора.

2. В коллекцию редких записей. О пересаженном сердце — Филипп Блайберг, Кристиан Бернгард и Владимир Демихов.

3. На скользкой спине плота. Фонофильм А. Ларионова.

4. Расул Гамзатов. «Люди, люди — высокие звезды...» Пластика поэта.

5. Песня на баррикадах. «Ледропа ружь» — «Червоны штандар» — «Красное знамя».

6. Марш обездоленной Америки: «Мы победим!»

7. Находка в древней столице Польши. Симфонию XVIII века исполняет камерный оркестр.

8. Музыкальные лучи планеты. Словацкая певица Зузка Лонска. Я. Сивачек. «Не говори «нет»; обработка русской народной песни «Вдоль по улице метелица метет».

9. За чертой горизонта. Песни и танцы Западного Самоа.

10. Первый оттиск. И. Поклад, И. Барох. «Кохана»; А. Эшпай. В. Карлено. «Облака». Поют В. Харченко, В. Дворянинова.

11. Песенные премьеры. Я. Френкель, И. Шаферан. «Человек из мечты»; А. Бабаджанян, Р. Рождественский. «Письмо». Исполняют: М. Лунач, М. Магомаев, вокальный ансамбль и оркестр.

12. Танцевальные ритмы: «Фокстрот» Р. Паулса, «Королева пчел» С. Нестико, «Солнечный день» Э. Шварца.

Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной студией грамзаписи фирмы «Мелодия» и Государственным домом радиовещания и звукозаписи

ИЗДАТЕЛЬ:
КОМИТЕТ
ПО РАДИОВЕЩАНИЮ
И ТЕЛЕВИДИЕНИЮ
ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР

На первой странице
обложки: фото
Н. Козловского.
На четвертой странице
обложки: фото
А. Лидова.

Режиссер
Н. Субботин.
Художник
Е. Казаков.
Технический
редактор
И. Шифрин.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
Москва, Пятницкая, 25.
Телефоны редакции:
233-73-94, 233-74-59.

Б 03329. Подп. к печ.
15/VIII 1968 г. Формат
бумаги 84×108¹/₁₆.
Усл. п. л. 1,68.
Уч.-изд. л. 1,4.
Тираж 300 000 экз.
Зак. 2016. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

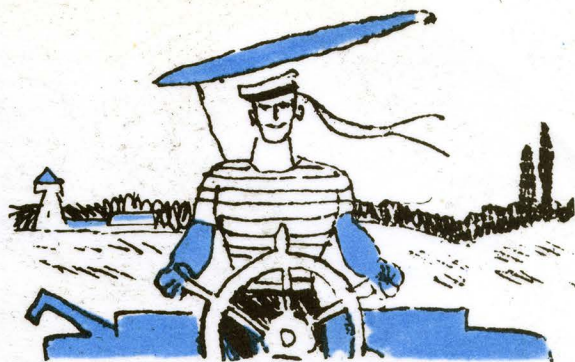
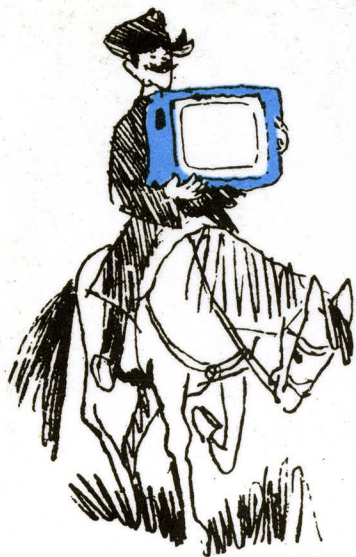

- Знаешь?
— Д-д...
— Рассказывай.
— Не знаю.
— Незачет. Следующий. Знаешь?
— Что за шутки! Незачет. Следующий. Знаешь?
— А все.
— Все?! Все даже я не знаю. Незачет. Следующий. Знаешь?
— Давай. Знаете?
— Знаем.
— Тогда отвечайте. Та-ан... Что же вас спро-Зачет, небось, хотите?..
— Именно. Хотим. Очень... Оба. Как есть хотим.
— Молодцы. Зачет-зачет. Следующий.
— Знаю.
— Что знаешь?
— Матерьял.
— Какой матерьял?
— Текущий.
— Зачет. Следующий.
- Уже рядом с вами.
— Что у меня в руке: зачет-незачет... зачет-незачет?
— Зачет.
— Угадал. Следующий.
— Я. Влюблен.
— В кого?
— В предмет.
— В какой?..
— В ваш!
— Ну, а в какой?..
— Заб... Который сдаем!
— А который сдаем?..
— Ну... вы уж придумаетесь...
— Незачет. Следующий.
— Я.
— Что?
— Влюблен.
— В кого?
— В историю древне-русской литературы.
— Зачет. Следующий.
— Я.
— Что?
— Влюблен.
— В кого?
— В вас.
— Нахал. Зачет. Следующий.
— А кто?.. Кольк... Кольк!.. Кончай спать, зачет проспши!..
— А это что, еще не зачет?..
— Зачет. Только ты заснул. А тут уже двоих спросили!

Николай БУЛГАКОВ

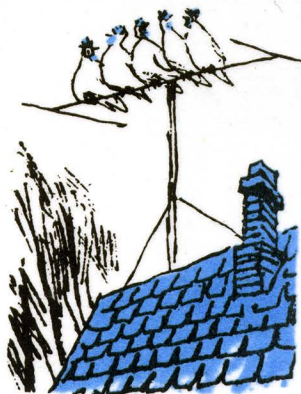

В отдаленную станицу.

Приехал на побывку.

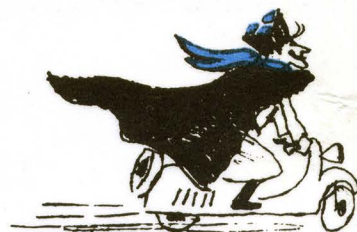
Погонщик быков.

Нашли насест.

«Ну, теперь твоя душенька довольна?»

Мотоказак.

Изорепортаж
Ю. Черепанова.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАНОРАМА «КРУГОЗОРА»

Цена 1 руб.

Здесь ветры нам распахивают ворот, и парус надувает на лету...
Эдуард БАГРИЦКИЙ

